

УДК 316.346.32-053.6:316.472.4:94(470)

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-6

Исследовательская статья

Меркулов П. А.¹
Проказина Н. В.²

**Историческая память о Великой Отечественной войне
у студентов вуза и колледжа региона:
сравнительный социологический анализ**

¹ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева»,
улица Комсомольская, дом 95, Орел, 302026, Россия
info@oreluniver.ru

²ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
Ленинградский проспект, дом 49/2, Москва, 125167, Россия
NVProkazina@fa.ru

Аннотация. Историческая память о Великой Отечественной войне в молодежной среде выступает важным механизмом символической интеграции, межпоколенческой преемственности и социализации. На формирование исторической памяти оказывают влияние разнообразные факторы, в том числе образовательные траектории молодежи. Научная проблема исследования связана с недостаточной разработанностью вопроса о том, каким образом различия между образовательной средой вуза и колледжа влияют на содержание, источники и формы воспроизводства исторической памяти молодежи. Цель статьи состоит в проведении сравнительного анализа особенностей исторической памяти о Великой Отечественной войне у студентов вуза и колледжа региона. Методологическую основу исследования составляет социологический подход к исторической памяти как многомерному социальному феномену, включающему когнитивный, аксиологический и поведенческий компоненты. Эмпирическую базу составили материалы массового социологического опроса студенческой молодежи региона, выполненного в рамках всероссийского исследования. Общий объем региональной выборки составил 875 респондентов, из них 399 – студенты вуза и 476 – студенты колледжа. Анализ строился на сопоставлении ключевых индикаторов исторической памяти: самооценки знаний о войне, источников информации, семейной памяти, участия в мемориальных практиках и патриотической самоидентификации. Установлено, что образовательная траектория является значимым фактором дифференциации исторической памяти. Студенты вуза чаще демонстрируют критическую самооценку уровня знаний, более выраженную ориентацию на институционально легитимированные источники, документально-биографический характер семейной памяти. Студенты колледжа, напротив, чаще характеризуются большей уверенностью в достаточности знаний, усиленной ролью семейно-локальных и предметно-символических каналов памяти, более высокой включенностью в коллективные празднично-мемориальные практики. В результате сравнительного анализа выделены две преобладающие формы

исторической памяти в молодежной среде региона: рефлексивно-академическая и практико-символическая. Первая в большей степени характерна для студентов вуза и связана с верификацией знания, аналитическим мышлением и установкой на осмысленное соотнесение прошлого с будущим. Вторая чаще проявляется у студентов колледжа и основана на эмоциональной вовлеченности, семейно-локальной передаче опыта и коллективно-ритуальных практиках воспроизводства памяти. Научная новизна исследования состоит в выявлении внутренней дифференциации исторической памяти молодежи в зависимости от образовательной траектории и институционального контекста социализации. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов для разработки образовательных, воспитательных и мемориальных мероприятий в вузе и колледже.

Ключевые слова: историческая память; Великая Отечественная война; студенческая молодежь; образовательная траектория; семейная память; мемориальные практики; патриотическая идентичность; социология молодежи

Информация для цитирования: Меркулов П. А., Проказина Н. В. Историческая память о Великой Отечественной войне у студентов вуза и колледжа региона: сравнительный социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 2. С. 89-104. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-6.

Research article

Pavel A. Merkulov¹
Natalia V. Prokazina²

Historical memory of the Great Patriotic War among university and college students in the region: a comparative sociological analysis

¹I. S. Turgenev Oryol State University,
95 Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russia
info@oreluniver.ru

²Financial University under the Government of the Russian Federation,
49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia
NVProkazina@fa.ru

Abstract. The historical memory of the Great Patriotic War plays a significant role in the socialisation of young people, promoting symbolic integration and intergenerational continuity. However, it is formed in unequal ways depending on educational background. The research problem is related to the insufficient development of the question of how differences between university and college educational environments influence the content, sources, and forms of reproduction of young people's historical memory. The purpose of the article is to conduct a comparative analysis of the features of historical memory of the Great Patriotic War among university and college students in the region. The methodological framework of the study is based on a sociological approach to historical memory as a multidimensional social phenomenon including cognitive, axiological, and behavioral components. The empirical basis consists of data from a mass sociological survey of student youth in the region. A total of 875 people were included in the sample, of whom 399 were university students and 476 were college students. The analysis was based on the comparison of key indicators of historical memory: self-assessment of

knowledge about the war, sources of information, family memory, participation in memorial practices, and patriotic self-identification. The study shows that the educational trajectory is a significant factor in the differentiation of historical memory. University students more often demonstrate a critical self-assessment of their knowledge, a more pronounced orientation toward institutionally legitimized sources, a documentary-biographical character of family memory, and a more reflective form of patriotic identification. College students, by contrast, are more often characterized by greater confidence in the sufficiency of their knowledge, a stronger role of family-local and object-symbolic channels of memory, higher involvement in collective festive and memorial practices, and a more categorical form of patriotic self-identification. As a result of the comparative analysis, two predominant forms of historical memory in the regional youth environment were identified: reflective-academic and practical-symbolic. The former is more typical of university students and is associated with the verification of knowledge, analytical distance, and an orientation toward meaningful correlation between the past and the future. The latter is more often manifested among college students and is based on emotional involvement, family-local transmission of experience, and collective ritual practices of memory reproduction. The scientific novelty lies in identifying how the historical memory of young people is internally differentiated depending on their educational trajectory and the institutional context of their socialisation. The practical significance of the study is connected with the possibility of using the results to develop differentiated educational, civic-patriotic, and memorial practices in universities and colleges.

Keywords: historical memory; Great Patriotic War; student youth; educational trajectory; family memory; memorial practices; patriotic identity; sociology of youth

Information for citation: Merkulov, P. A., Prokazina, N. V. (2026), "Historical memory of the Great Patriotic War among university and college students in the region: a comparative sociological analysis", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (2), 89-104, DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-6.

Введение (Introduction).

Историческая память в современном обществе представляет собой не пассивное хранение сведений о прошлом, а сложный социальный механизм отбора, интерпретации и символического закрепления значимых событий. Через память общество задает нормативные рамки коллективной идентичности, формирует представления о легитимных образцах поведения, поддерживает солидарность и определяет границы ценностно значимого прошлого.

Особый интерес представляет сопоставление студентов вуза и колледжа. Эти группы принадлежат к одной возрастной когорте, но находятся в разных институциональных средах, осваивают разные образовательные траектории, включены в различные практики

социализации и в разной степени ориентированы на академические либо практико-прикладные модели образовательного опыта. Такие различия способны влиять на содержание исторических знаний, на способы оценки их достаточности, на типы источников информации о войне, на структуру семейной памяти, а также на характер участия в мемориальных практиках.

Научная проблема исследования заключается в недостаточной разработанности вопроса о том, каким образом различия между образовательной средой вуза и колледжа влияют на содержание, источники и формы воспроизводства исторической памяти молодежи.

Значительная часть публикаций рассматривает студенческую молодежь как

относительно единый объект, в то время как различия внутри нее анализируются эпизодически. В данной статье осуществлен анализ двух групп: студентов вуза и студентов колледжа региона.

Цель статьи – провести сравнительный анализ особенностей исторической памяти о Великой Отечественной войне у студентов вуза и колледжа региона. Исследовательский вопрос формулируется в следующем виде: каким образом различия в образовательной траектории связаны с особенностями содержания и воспроизводства исторической памяти о Великой Отечественной войне? Рабочая гипотеза состоит в том, что студенты вуза и колледжа демонстрируют различающиеся формы организации исторической памяти, проявляющиеся в самооценке знаний, структуре источников, семейной памяти и мемориальных практиках.

Методология и методы (Methodology and Methods). Историческая память о Великой Отечественной войне сохраняет в современном российском обществе значение одного из ключевых механизмов символической интеграции, межпоколенческой преемственности и гражданской социализации молодежи (Ассман, 2004; Тощенко, 2020; Хальбакс, 2007). Вместе с тем в условиях трансформации коммуникативной среды, расширения цифровых каналов передачи информации и изменения образовательных траекторий память о войне все в меньшей степени может рассматриваться как однородный и одинаково усваиваемый всеми молодыми людьми культурный ресурс (Аксенова, 2025; Бадараев, Винокурова, Нолев, 2025; Широкалова, 2021; Проказина, 2025). Ее содержание, формы актуализации и способы включения в структуру идентичности начинают заметно зависеть от институционального контекста социализации, семейной среды, характера образовательного опыта и доминирующих каналов получения исторического знания (Бергер, Лукман,

1995; Бурдые, 2002;). Историческая память о Великой отечественной войне рассматривается как мощный инструмент консолидации общества, однако Ж. Т. Тощенко отмечает, что формы ее воспроизводства в современном обществе становятся все более неоднородными (Тощенко, 2020). В некоторых исследованиях подчеркивается, что основными факторами, влияющими на историческую память, выступают: информационная среда, социальные различия и недостаточность единой интерпретации исторических событий этого периода (Широкалова, 2021). Но неизменным и устойчивым источником формирования исторической памяти остаются семейные истории и реликвии военных лет, что, по результатам исследований играет важную роль в процессе интериоризации у молодежи национального прошлого (Горшков, Бараш, 2024).

Особую группу составляют исследования, ориентированные на молодежь и студенчество. Е. Г. Пономарева рассматривает проблему восприятия Второй мировой войны российской молодежью в контексте конкурирующих нарративов и дискурсов фальсификации истории (Пономарева, 2020). О. В. Аксенова анализирует войну как фактор цивилизационного развития России и подчеркивает ее системообразующее значение для коллективной идентичности (Аксенова, 2025). Д. Д. Бадараев, А. В. Винокурова и Е. В. Нолев исследуют коммеморативные практики студенческой молодежи в регионах Дальнего Востока, показывая роль сочетания государственных, общественных и локальных механизмов памяти (Бадараев, Винокурова, Нолев, 2025). З. Х.-М. Сараллиева, Е. Е. Кутявина и Е. А. Шинкаренко раскрывают значение школьной событийной среды как раннего пространства патриотической социализации и мемориального вовлечения

(Сараллиева, Кутявина, Шинкаренко, 2025).

Существенный вклад в социологическое изучение памяти о войне в молодежной среде вносят работы, посвященные: студенчеству как особой социальной группе (Лебедев, Шаповалова, Рошупкина, Шкапенко, 2020); региональных особенностей исторической памяти (Проказина, 2014; Проказина, 2025); памяти как ресурсу патриотического и гражданского воспитания (Проказина, 2014; Проказина, Дорохова, Хатнюк, 2017; Меркулов, Алексеенок, Проказина и др., 2025).

Несмотря на значительное количество работ, посвященных исторической памяти о Великой отечественной войне, стоит отметить, что различия между образовательными сегментами молодежной среды изучены все еще недостаточно. В научных публикациях фрагментарно представлены различия в самооценке исторических знаний, структуре доверия к источникам, формах семейной памяти, мемориальных практиках участия через которые прошлое связывается с будущим (Горшков, Бараш, 2024; Проказина, 2025; Сараллиева, Кутявина, Шинкаренко, 2025). Именно эта исследовательская задача определяет научную новизну настоящей статьи, в которой историческая память о Великой Отечественной войне рассматривается как многомерный социальный феномен, внутренне дифференцированный в зависимости от образовательной траектории и институционального контекста социализации (Бурдые, 2002; Хальбвакс, 2007; Широкалова, 2021).

Методологическую основу исследования составляет социологический подход к исторической памяти как к многомерному социальному феномену, включающему когнитивные, аксиологические и поведенческие компоненты. В рамках данного подхода память о Великой Отечественной войне рассматривается не как простая сумма исторических знаний или декларативных оценок, а как социально опосредованная система представлений, значений и практик, формирующаяся в процессе межпоколенческой трансляции, институциональной социализации и включенности индивида в различные коммуникативные среды. Такая исследовательская оптика позволяет анализировать историческую память одновременно как форму символического освоения прошлого, как ресурс коллективной идентичности и как механизм ценностной интеграции молодежи. Когнитивный компонент фиксировался через самооценку достаточности знаний; институциональный, через источники информации; поведенческий, через участие в мемориальных практиках; аксиологический через патриотическую самоидентификацию.

Эмпирическую базу исследования составили материалы массового социологического опроса студенческой молодежи региона¹. Общий объем выборочной совокупности составил 875 респондентов, из них 399 – студенты высшего учебного заведения и 476 – студенты колледжа. Сравнительный дизайн исследования был обусловлен задачей выявления различий между двумя

¹ Используемые данные являются частью V волны федерального мониторингового исследования «Студенчество о Великой Отечественной войне». Проект с 2005 года реализует Российское общество социологов (РОС) https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=2084&p=2. Данные V волны собраны в декабре 2024 - феврале 2025 года. Научный руководитель проекта д-р философ. наук, профессор Ю.Р. Вишневецкий (УрФУ, г. Екатеринбург), полевой этап организован

Уральским отделением (<https://gsem.urfu.ru/ubrсс/>). В исследовании приняло участие более 26 000 респондентов из 82 российских вузов, 18 российских колледжей, 6 вузов зарубежных стран (Республика Беларусь, Киргизская республика, Республика Таджикистан). Методология проекта представлена в научном издании (https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/93909/1/978-5-7996-3087-4_2020.pdf).

образовательными средами, представляющими различные институциональные траектории социализации молодежи. Включение в выборку как студентов вуза, так и студентов колледжа позволило сопоставить не только уровень знаний или оценок, но и особенности формирования исторической памяти в условиях разных образовательных практик, различного символического опыта и неодинаковой структуры повседневной коммуникации. Для оценки статистической значимости различий между студентами вуза и колледжа использовался критерий χ^2 Пирсона, а для оценки силы связи – коэффициент V Крамера.

Подчеркнем, что выбор Орловской области как исследовательского пространства имеет не только организационное, но и содержательное значение. Регион обладает выраженным символическим потенциалом в контексте памяти о Великой Отечественной войне.

Для вопросов с множественным выбором каждая позиция анализировалась как отдельная дихотомическая переменная по логике «выбран/не выбран».

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Первичный уровень различий обнаруживается в самооценке достаточности знаний о Великой Отечественной войне. Данные показывают, что студенты колледжа заметно чаще, чем студенты вуза, считают имеющийся уровень знаний достаточным, тогда как вузовская молодежь существенно чаще указывает на необходимость их углубления. Уже этот результат позволяет говорить о различии не только в субъективной уверенности, но и в самом режиме отношения к знанию: в одном случае преобладает установка на достаточность усвоенного материала, в другом, на признание ограниченности собственной осведомленности.

Таблица 1

Самооценка достаточности знаний о Великой Отечественной войне

Table 1

Self-assessment of knowledge sufficiency about the Great Patriotic War

Вариант ответа / Response option	Вуз / University, %	Колледж / College, %
Да, знаний достаточно / Yes, knowledge is sufficient	32,5	42,6
Не совсем, надо бы больше / Not quite, I should know more	44,9	25,6
Не совсем, но мне хватает / Not quite, but enough for me	17,3	26,5
Нет / No	3,0	2,3
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	2,3	3,0

Примечания: Различия между группами оценивались по критерию χ^2 Пирсона; сила связи определялась по коэффициенту V Крамера.

Источник: составлено авторами по данным исследования.

На первый взгляд более высокая уверенность студентов колледжа может быть истолкована как признак большей информированности. Однако в сравнительной перспективе такой вывод был бы упрощенным. Скорее, зафиксированные различия отражают действие двух различных культурных способов оценки знания. Университетская

среда, в большей степени ориентированная на проблематизацию, критическое мышление и признание неполноты знания, формирует склонность к более осторожной самооценке. Образовательная среда колледжа, напротив, чаще задает практико-ориентированную логику, в рамках которой функционально достаточное знание воспринимается как социально приемлемое

и не требует постоянной рефлексивной проверки. Различия в самооценке достаточности знаний между студентами вуза и колледжа статистически значимы.

Следующий значимый блок различий связан с источниками информации о войне, при этом часть различий получает статистическое подтверждение, а часть носит характер содержательных тенденций. В обеих группах сохраняется высокая роль школьного и семейного каналов трансляции памяти, однако их

относительный вес различается. Студенты вуза чаще указывают на школьные учебники, преподавателей и советские художественные фильмы, тогда как студенты колледжа несколько чаще отмечают рассказы родных, музейно-выставочную среду и цифровые каналы получения информации. Однако статистически значимыми являются прежде всего различия по школьным учебникам, советским художественным фильмам и преподавателям.

Источники информации о Великой Отечественной войне

Таблица 2

Table 2

Sources of information about the Great Patriotic War

Источник / Source	Вуз / University, %	Колледж / College, %
Школьные учебники / School textbooks	72,9	61,6
Учителя / Teachers	70,4	68,5
Рассказы родных / Relatives' stories	65,4	68,1
Советские художественные фильмы / Soviet feature films	61,9	53,2
Музеи, выставки / Museums, exhibitions	50,9	54,2
Соцсети, интернет / Social media, Internet	37,6	40,3
Преподаватели / Teachers in the educational institution	36,1	29,4

Примечание. Для вопросов множественного выбора каждая позиция анализировалась как отдельная дихотомическая переменная; статистическая значимость различий оценивалась по критерию χ^2 Пирсона, сила связи – по коэффициенту V Крамера.

Источник: составлено авторами по данным исследования.

Зафиксированное распределение позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, для студентов вуза более значимы формализованные и институционально легитимированные каналы памяти, связанные с учебным знанием и культурно канонизированными репрезентациями прошлого. Во-вторых, для обучающихся колледжа несколько более выражено сочетание семейно-локальной инфраструктуры памяти с цифровыми каналами ее воспроизводства. Это указывает на переплетение двух способов: межпоколенческой передачи опыта внутри семьи и медиатизированного усвоения прошлого через современную информационную среду. Тем самым различия между группами касаются не

только содержания знаний, но и их социальной легитимации: в одном случае доминирует институционализированное знание, в другом, знание, встроенное в локальную, семейную и визуально-коммуникативную среду.

Особое значение в структуре исторической памяти имеет семейное измерение, поскольку именно оно обеспечивает соединение макроисторического нарратива с личной и родовой биографией. Даже при ослаблении прямой межпоколенческой связи с участниками войны семейные реликвии сохраняют функцию материальных носителей памяти, закрепляющих присутствие прошлого в повседневной культуре.

Таблица 3
Типы семейных реликвий, связанных с Великой Отечественной войной

Table 3

Types of family relics related to the Great Patriotic War

Тип реликвий / Type of relics	Вуз / University, %	Колледж / College, %
Фотографии / Photographs	70,8	65,9
Награды / Awards and medals	68,8	77,1
Письма / Letters	34,7	35,9
Документы / Documents	24,8	19,7
Грамоты, благодарности / Certificates, letters of gratitude	19,8	24,2
Вещи военных лет / Wartime objects	19,8	24,2

Примечание. Для вопросов множественного выбора каждая позиция анализировалась как отдельная дихотомическая переменная; статистическая значимость различий оценивалась по критерию χ^2 Пирсона, сила связи – по коэффициенту V Крамера.

Источник: составлено авторами по данным исследования.

Сравнение показывает, что студенты вуза несколько чаще указывают на фотографии и документы, тогда как студенты колледжа, на награды, грамоты и вещи военных лет. Эта конфигурация различий представляется содержательно важной, хотя статистически подтверждается не по всем позициям. Из представленных различий статистически значимым является прежде всего более частое упоминание наград студентами колледжа, тогда как по другим типам реликвий корректнее говорить о различиях профиля семейной памяти. Для вузовской аудитории более характерна документально-биографическая форма обращения к семейному прошлому, предполагающая интерес к реконструкции конкретных жизненных траекторий и

фактов. Для студентов колледжа более выраженной оказывается предметно-символическая форма памяти, в которой реликвия выступает прежде всего знаком причастности семьи к общенациональной истории. В терминах культурной памяти это позволяет говорить о различии между более рефлексивным присвоением семейного опыта и его более символически закреплённой предметной репрезентацией.

Наиболее отчетливо различия между двумя образовательными группами проявляются в сфере мемориального поведения. Именно поведенческий компонент позволяет увидеть, каким образом историческая память не только декларируется, но и воспроизводится через конкретные действия, ритуалы и формы участия.

Таблица 4
Формы участия в мемориальных практиках

Table 4

Forms of participation in commemorative practices

Форма участия / Form of participation	Вуз / University, %	Колледж / College, %
Просмотр парада по ТВ / Watching the parade on TV	67,9	58,2
Участие в «Бессмертном полке» / Participation in the "Immortal Regiment"	63,1	60,8
Участие в праздничных мероприятиях / Participation in festive events	31,3	73,9
Возложение цветов / Laying flowers	28,1	31,1

Примечание. Для вопросов множественного выбора каждая позиция анализировалась как отдельная дихотомическая переменная; статистическая значимость различий оценивалась по критерию χ^2 Пирсона, сила связи – по коэффициенту V Крамера.

Источник: составлено авторами по данным исследования.

Отметим, что участие в акции «Бессмертный полк» сохраняет высокие значения в обеих группах, что позволяет рассматривать данную практику как общий для молодежной среды символический формат мемориальных практик, сочетающий частную семейную память и публичное представление национального прошлого. В целом полученные данные показывают, что вузовская среда в большей степени связана с опосредованными и индивидуализированными практиками участия, тогда как среда колледжа с

коллективным и ритуально насыщенным проживанием памяти.

Аксиологическое измерение исторической памяти проявляется в патриотической самоидентификации. Хотя различия между студентами вуза и колледжа здесь менее контрастны, чем в сфере практик, общий характер распределения ответов статистически значимым не является; поэтому корректнее говорить о различиях в патриотической самоидентификации, а не о доказанном межгрупповом расхождении.

Таблица 5

Патриотическая самоидентификация

Table 5

Patriotic self-identification

Вариант ответа / Response option	Вуз / University, %	Колледж / College, %
Да / Yes	43,9	49,4
Скорее да, чем нет / Rather yes than no	43,6	36,1
Скорее нет, чем да / Rather no than yes	4,0	5,5
Нет / No	2,8	3,8
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	5,7	5,2

Примечания: Различия между группами оценивались по критерию χ^2 Пирсона; сила связи определялась по коэффициенту V Крамера.

Источник: составлено авторами по данным исследования.

Отметим, что обе группы в целом демонстрируют высокий уровень патриотической самоидентификации. Общая структура ответов по патриотической самоидентификации не образует статистически значимого различия между группами.

Совокупность представленных данных позволяет сделать вывод о существовании двух преобладающих формах исторической памяти в исследуемой молодежной среде. Эти различия не следует понимать как жесткое противопоставление двух однородных групп. Речь идет скорее о преобладающих способах социальной организации памяти, задаваемых различием образовательных сред, культурных ресурсов и механизмов социализации. В теоретическом отношении полученные результаты согласуются с подходами, рассматривающими память как социально организованный феномен, воспроизводимый через

институциональные рамки, семейную коммуникацию и культурно закрепленные формы символизации. Тем самым сравнительный анализ студентов вуза и колледжа показывает, что историческая память о Великой Отечественной войне в молодежной среде региона формируется не по единой модели, а в логике различных мемориальных режимов, каждый из которых имеет собственную когнитивную, ценностную и поведенческую структуру.

Принципиально важно, что статистически подтвержденные различия концентрируются прежде всего в когнитивном, источниковом и поведенческом измерениях исторической памяти, тогда как в сфере патриотической самоидентификации различия между группами выражены существенно слабее и не образуют столь же убедительного межгруппового расхождения. Это позволяет сделать вывод о сохранении в молодежной среде базового ценностного

консенсуса в отношении значимости памяти о войне при одновременной дифференциации способов ее освоения, интерпретации и практического переживания. Тем самым внутренняя неоднородность молодежной памяти проявляется не столько в наличии или отсутствии патриотической установки как таковой, сколько в различии когнитивных стилей, каналов трансляции исторического содержания и мемориальных практик, посредством которых прошлое включается в структуру коллективной идентичности.

Вместе с тем интерпретация полученных результатов требует учета границ их обобщения. Поскольку анализ выполнен на региональном материале и основан на поперечном сравнении двух образовательных групп, выявленные различия корректнее трактовать как устойчивые тенденции, характерные для конкретного институционального и социокультурного контекста, а не как универсальную модель исторической памяти всей российской молодежи. Это задает перспективу дальнейших исследований, связанных с расширением сравнительной базы за счет других регионов, направлений подготовки и типов образовательных организаций, а также с более детальным учетом влияния семейного капитала, цифровой медиасреды и локальной мемориальной инфраструктуры на механизмы межпоколенческой трансляции исторического опыта.

Полученные результаты позволяют утверждать, что историческая память о Великой Отечественной войне в молодежной среде региона не является однородным символическим образованием, а представляет собой дифференцированную систему представлений, оценок и практик, формирующихся под воздействием образовательной траектории, семейной среды, каналов трансляции социально значимого знания и специфики институциональной социализации. Сравнительный анализ студентов вуза и

колледжа показал, что различия между этими группами затрагивают не только степень информированности о событиях войны, но и способы конструирования отношения к прошлому, характер эмоциональной вовлеченности, логику выбора источников и модели участия в мемориальных практиках. Тем самым речь идет не о количественных вариациях в пределах единой модели памяти, а о качественно различных способах ее воспроизводства в двух образовательных сегментах молодежной среды.

Эмпирические данные позволяют выделить две преобладающие формы исторической памяти. Первая из них может быть определена как рефлексивно-академическая. Она в большей степени характерна для студентов высшей школы и связана с критической самооценкой уровня собственных знаний, обращением к институционально легитимированным и авторитетным источникам, стремлением к проверке и сопоставлению сведений, а также с более выраженной установкой на бережное отношение к семейной памяти. Для данной формы принципиально важно, что память о войне здесь не сводится к эмоциональному отождествлению с героическим прошлым, а становится предметом осмысленного отношения, допускающего неоднозначность, аналитическую дистанцию и признание сложности исторического материала. В этой связи патриотическая идентификация у студентов вуза чаще описывается в менее декларативной и более рефлексивной форме, однако данные различия следует трактовать как интерпретативную тенденцию.

Вторая форма может быть обозначена как практико-символическая. Она чаще фиксируется у молодежи, обучающейся в колледже и выражается в более высокой уверенности в достаточности собственных знаний при менее выраженной критической дистанции по отношению к источникам информации. Для данной формы более значимы семейные рассказы, локальные каналы передачи исторического опыта,

предметно-символические формы сохранения семейного наследия, а также участие в коллективных празднично-мемориальных практиках. В этом случае память выполняет прежде всего функцию групповой консолидации, эмоционального подтверждения принадлежности к общности и воспроизводства нормативно значимого образа прошлого. Соответственно, патриотическая самоидентификация чаще принимает более прямую и категоричную форму, тогда как связь прошлого с долгосрочными представлениями о будущем формулируется менее концептуально и реже переводится в язык аналитической рефлексии.

Важно подчеркнуть, что указанные формы не следует трактовать как жесткие и взаимоисключающие. Скорее они выступают в качестве аналитических конструкций, фиксирующих преобладающие способы организации памяти в двух образовательных средах. Внутри каждой группы сохраняется значительная вариативность, а реальные биографические случаи могут сочетать признаки нескольких моделей одновременно. Однако именно такая типологизирующая перспектива позволяет перейти от описания отдельных показателей к интерпретации механизмов, лежащих в основе выявленных различий.

Сравнение двух групп молодежи показывает, что для студентов вузов в целом более характерны модели, предполагающие индивидуализированную работу с историческим материалом, установку на доказательность, внимание к достоверности и признание сложности прошлого как объекта анализа. Даже в тех случаях, когда эмоциональная идентификация с героическим нарративом сохраняется, она оказывается включенной в более широкий контекст рефлексивного отношения к знанию. Это означает, что университетская образовательная среда не просто увеличивает объем осведомленности, а формирует особый когнитивный стиль, в рамках которого

значимо не только «что известно», но и «как именно это известно», на каких основаниях знание считается достоверным и каким образом оно соотносится с исторической ответственностью.

Следовательно, выявленные различия нельзя сводить к индивидуальным предпочтениям; они укоренены в структуре образовательного опыта и разных механизмах распределения культурного капитала.

Существенный интерпретационный потенциал имеет и обращение к концепциям социальной памяти. В логике М. Хальбвакса память всегда социально организована и поддерживается рамками коллективов, внутри которых индивид получает схемы интерпретации прошлого. С этой точки зрения различия между вузом и колледжем могут быть поняты как различия в самих социальных рамках памяти. Университетская среда задает более формализованные и содержательные способы обращения к прошлому, где память проходит через процедуры сопоставления и аналитической проверки. Образовательная среда колледжа в большей степени поддерживает коммуникативно насыщенные и эмоционально интегрированные формы памяти, основанные на личном участии, семейной передаче и ритуальной репрезентации исторического опыта. В этом отношении выявленные нами различия близки к разграничению культурно институционализированной и коммуникативной памяти в терминологии Я. Ассмана: в одном случае преобладает опосредованное знание, встроенное в дисциплинарные формы осмысления, в другом, живые практики межпоколенческой передачи и символического переживания общего прошлого.

Таким образом, полученные различия позволяют рассматривать образовательную траекторию не просто как формальный статус респондента, а как особую институциональную среду социализации, задающую различные способы обращения

к историческому знанию и памяти о Великой Отечественной войне. Вузовская среда, в большей степени ориентированная на проблематизацию, аналитическую дистанцию и проверку знания, формирует более критичную самооценку уровня информированности и более выраженную ориентацию на институционально легитимированные источники, тогда как среда колледжа в большей мере поддерживает практико-символические и ритуально закреплённые способы включения в память. В этом смысле зафиксированные различия отражают не только расхождение индивидуальных предпочтений, но и действие различных институциональных режимов воспроизводства исторической памяти, укоренённых в неодинаковой структуре образовательного опыта, повседневной коммуникации и символического участия.

В прикладном плане результаты исследования указывают на ограниченную эффективность универсальных моделей патриотического воспитания, не учитывающих внутреннюю неоднородность молодежной аудитории. Соответственно, эффективная работа с исторической памятью требует дифференцированного подхода, основанного на понимании того, что различные типы студентов по-разному воспринимают прошлое, по-разному вовлекаются в мемориальные практики и по-разному реагируют на образовательные воздействия.

Заключение (Conclusions).

Проведённое исследование показало, что историческая память о Великой Отечественной войне в молодежной среде региона носит выражено дифференцированный характер и не может быть адекватно описана в терминах единой, однородной модели мемориального сознания. Сопоставление студентов вуза и колледжа позволило установить, что различия между ними касаются не только степени информированности о событиях войны, но и способов интерпретации прошлого, структуры доверия к

источникам, характера эмоционально-ценностной идентификации и форм участия в мемориальных практиках. Тем самым подтверждается положение о том, что образовательная траектория выступает значимым социальным фактором, влияющим на режимы воспроизводства исторической памяти.

В ходе анализа были выявлены две преобладающих формы организации памяти: рефлексивно-академическая и практико-символическая. Первая в большей степени характерна для студентов вуза и связана с установкой на верификацию знания, критическую самооценку информированности и более аналитическое осмысление прошлого. Вторая чаще проявляется у ориентации на семейно-локальные каналы трансляции памяти и более высокой значимости коллективных празднично-мемориальных практик. При этом обе формы не являются взаимоисключающими типами; они представляют собой аналитически выделенные формы преобладающей организации отношения к прошлому в различных институциональных условиях социализации.

В этом отношении исследование демонстрирует, что различия между вузом и колледжем следует понимать не как различия в «наличии» или «отсутствии» исторической памяти, а как различия в способах ее социального производства, легитимации и символического переживания.

Практическое значение результатов связано с возможностью использования выявленных различий между образовательными группами для проектирования дифференцированных образовательных и мемориальных практик. Исследование показывает, что унифицированные модели патриотического воспитания могут обладать ограниченной эффективностью, поскольку не учитывают различия в каналах освоения исторического содержания и формах мемориального участия.

Следовательно, работа с памятью о Великой Отечественной войне должна строиться с учетом специфики конкретных групп студентов, сочетая исследовательские, дискуссионные, проектные, семейно-биографические и цифровые форматы взаимодействия.

Ограничения исследования связаны с региональным характером выборки и выбранным дизайном, фиксирующим состояние исторической памяти в определенный временной период. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением сравнительной базы анализа за счет включения студентов различных регионов, направлений подготовки и социокультурных контекстов. Представляется также значимым углубленное изучение влияния цифровой медиасреды, семейных биографических ресурсов и локальной мемориальной инфраструктуры на формирование молодежной памяти о войне. Такое направление исследований позволит более полно описать механизмы трансформации исторического сознания в условиях изменяющейся социальной и информационной среды и уточнить возможности институционального воздействия на процессы межпоколенческой передачи исторического опыта.

Список литературы

Аксенова О. В. Великая Отечественная война и цивилизационное развитие России // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16, № 3. С. 10-14. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.1.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. ISSN 1726-135X. ISBN 5-94457-176-4.

Бадараев Д. Д., Винокурова А. В., Нолев Е. В. Память о Великой Отечественной войне в регионах Дальнего Востока: коммеморативные практики студенческой молодежи // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16, № 3. С. 52-68. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.3.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60-74. EDN: OYUVRD.

Великая Отечественная война в представлениях современной студенческой молодежи / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенко, Н. В. Проказина [и др.]. Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025. 124 с. ISBN: 978-5-93179-854-7. EDN: TIQSZQ.

Вишневский Ю. Р., Кульминская А., Мансуров В. А. Студенчество о Великой Отечественной войне: результаты федерального исследования Российского общества социологов (2005–2025 гг.) // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 33-46. DOI: 10.7868/S3034601025070043. EDN:GZWLVТ.

Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / Ю. Р. Вишневский [и др.]. Екатеринбург: Издво Урал. ун-та, 2015. ISBN: 978-5-7996-1472-0. EDN: TVCTZD.

Горшков М. К., Бараш Р. Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй) // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 125-137. DOI: 10.31857/S0132162524090119.

Лебедев С. Д., Шаповалова И. С., Рошупкина Н. А., Шкапенко А. А. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 3-18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимежа, М. Винок. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.

Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.

Пономарева Е. Г. Вторая мировая война и проблема фальсификации ее истории в представлениях российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2.

C. 307-322. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-307-322.

Проказина Н. В. Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне // Казанская наука. 2014. № 7. С. 201-204. EDN: SKCWFR.

Проказина Н. В. Историческая память о Великой Отечественной войне в представлениях студенческой молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20, № 4. С. 87-107. DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-4-87-107. EDN: NLLUGG.

Проказина Н. В., Дорохова Ю. В., Хатнюк Н. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс патриотического и гражданского воспитания // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 3. С. 260-271. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-3-260-271.

Сараллиева З. Х.-М., Кутявина Е. Е., Шинкаренко Е. А. Пространство школьных событий в Нижнем Новгороде, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечественной войне // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16, № 3. С. 69-86. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.5.

Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) / под общей редакцией Ю. Р. Вишневого; Министерство науки и высшего образования РФ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина Российское общество социологов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 352 с. ISBN 978-5-7996-3087-4.

Тощенко Ж. Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 18-22. DOI: 10.31857/S013216250009419-3.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с. ISBN: 978-5-98379-088-9. EDN: QXSOFX.

Широкалова Г. С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 2. С. 19-35. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709.

Alexander J. C. Trauma: A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012. 238 p.

Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political

Imagination. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 376 p.

Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books, 1966. 219 p.

Bourdieu P. The Forms of Capital // Richardson J. (ed.). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood Press, 1986. P. 241-258.

Olick J.K. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. New York: Routledge, 2007. 200 p.

Zerubavel E. Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 174 p.

References

Aksenova, O. V. (2025), "The Great Patriotic War and the civilizational development of Russia", *Vestnik Instituta sotsiologii*, 16 (3), 10-14. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.1. (In Russian)

Assman, J. (2004), *Kulturnaya pamyat: Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity], transl. by Sokolskaya, M. M., Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia, ISSN 1726-135X, ISBN 5-94457-176-4. (In Russian)

Badaraev, D. D., Vinokurova, A. V. and Nolev, E. V. (2025), "The Memory of the Great Patriotic War in the regions of the Far East: commemorative practices of student youth", *Vestnik Instituta sotsiologii*, 16 (3), 52-68. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.3. (In Russian)

Berger, P. and Lukman, T. (1995), *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Medium, Moscow, Russia. (In Russian)

Burde, P. (2002), "The forms of capital", *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 3 (5), 60-74. (In Russian)

Merkulov, P. A., Alekseenok, A. A., Prokazina, N. V. et al. (2025), *Velikaya Otechestvennaya vojna v predstavleniyakh sovremennoy studencheskoy molodezhi* [The Great Patriotic War in the Representations of Modern Student Youth], Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, Orel, Russia, EDN: TIQSZQ. (In Russian)

Vishnevskii, Yu. R., Kulminskaya, A. and Mansurov, V. A. (2025), "Students about the Great Patriotic War: Results of the Federal Study of the Russian Sociological Society (2005–2025)", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (7), 33-46, DOI: 10.7868/S3034601025070043, EDN:GZWLVT. (In Russian)

Voyna byla pozavchera... Rossiyskoe studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne : materialy monitoringa «Sovremennoe rossiyskoe studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne» [The war was the day before yesterday... Russian students on the Great Patriotic War: materials from the monitoring "Modern Russian students on the Great Patriotic War"] (2015), by Y. R. Vishnevskiy (ed.), Ural University Publishing House, Yekaterinburg, Russia, ISBN: 978-5-7996-1472-0, EDN: TVCTZD. (In Russian)

Gorshkov, M. K. and Barash, R. E. (2024), "Historical memory of modern Russians (the history of Russia of the twentieth century through the prism of family stories)", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (9), 125-137. DOI: 10.31857/S0132162524090119. (In Russian)

Lebedev, S. D., Shapovalova, I. S., Roshchupkina, N. A. and Shkapenko, A. A. (2020), "Social trauma and values of generations: the Great Patriotic War in the historical memory of student youth", *Research Result. Sociology and Management*, 6 (2), 3-18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1. (In Russian)

Nora, P. (1999), "The problematics of sites of memory", by Nora, P., Ozuf, M., Pyuimezh, Zh. de and Vinok, M. (eds.), *Frantsiya-pamyat* [France-Memory], Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, 17-50. (In Russian)

Nora, P., Ozuf, M., Pyuimezh, Zh. de and Vinok, M. (1999), *Frantsiya-pamyat* [France-Memory], Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia. (In Russian)

Ponomareva, E. G. (2020), "World War II and the problem of falsification of its history in the representations of Russian youth", *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 20 (2), 307322. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-307-322. (In Russian)

Prokazina, N. V. (2014), "A sociological approach to the study of the historical memory of the Great Patriotic War", *Kazanskaya nauka*, (7), 201-204, EDN: SKCWFR. (In Russian)

Prokazina, N. V. (2025), "Historical memory of the Great Patriotic War in the representations of student youth", *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 20 (4), 87-107.

DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-4-87-107, EDN: NLLUGG. (In Russian)

Prokazina, N. V., Dorokhova, Yu. V. and Khatnyuk, N. N. (2017), "Historical memory of the Great Patriotic War as a resource of patriotic and civic education", *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 12 (3), 260–271. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-3-260-271. (In Russian)

Sarallieva, Z. Kh.-M., Kutavina, E. E. and Shinkarenko, E. A. (2025), "The space of school events in Nizhny Novgorod dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War", *Vestnik Instituta sotsiologii*, 16 (3), 69-86. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.5. (In Russian)

Spasibo pradedu za Pobedu...: monografiya po materialam monitoringa «Rossijskoe studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne» (2005–2010–2015–2020 gg.) [Thank you to my great-grandfather for the Victory...: a monograph based on the monitoring data "Russian Students on the Great Patriotic War" (2005-2010-2015-2020)] (2022), ed. by Yu. R. Vishnevskiy, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Russian Society of Sociologists, Ural University Press, Yekaterinburg, Russia, ISBN 978-5-7996-3087-4. (In Russian)

Toshchenko, Zh. T. (2020), "What is happening to the historical memory of the Great Patriotic War?", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (5), 18-22. DOI: 10.31857/S013216250009419-3. (In Russian)

Khalbvaks, M. (2007), *Sotsialnye ramki pamyati* [Social Frameworks of Memory], Novoe izdatelstvo, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-98379-088-9. EDN: QXSOF. (In Russian)

Shirokalova, G. S. (2021), "Historical memory of the Great Patriotic War: reasons for pluralism", *Vestnik Instituta sotsiologii*, 12 (2), 19-35. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709. (In Russian)

Alexander, J. C. (2012), *Trauma: A Social Theory*, Polity Press, Cambridge, UK.

Assmann, J. (2011), *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Berger, P. and Luckmann, T. (1966), *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Anchor Books, New York, USA.

Bourdieu, P. (1986), "The Forms of Capital", in Richardson, J. (ed.), *Handbook of Theory and Research for the Sociology*

of Education, Greenwood Press, New York, USA, 241-258.

Olick, J.K. (2007), *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*, Routledge, New York, USA.

Zerubavel, E. (2003), *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

Статья поступила в редакцию 10 марта 2026 г. Поступила после доработки 06 апреля 2026 г. Принята к печати 10 апреля 2026 г. Received 10 March 2026. Revised 06 April 2026. Accepted 10 April 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», Орел, Россия.

Pavel A. Merkulov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector, I. S. Turgenev Oryol State University, Orel, Russia.

Проказина Наталья Васильевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Natalia V. Prokazina, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.